

М. М. Тебеньков

Происхождение Руси.

Часть 1. Древние Россы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. М. Тебеньков**
Происхождение Руси.: Часть 1. Древние Россы / М. М. Тебеньков – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 199 с.

ISBN 978-5-458-02212-5

Опыт введения к истории Русского народа.

ISBN 978-5-458-02212-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Главнымъ вопросомъ лежащимъ въ основаніи нашей отечественной исторіи является конечно прежде всего вопросъ о происхожденіи *Руси* въ обширномъ значеніи этого слова, какъ названія страны, народа и государства. Безъ предварительнаго разрѣшенія этого вопроса не мыслимо и самое начало исторіи, какъ науки положительной, долженствующей основывать свои выводы на фактахъ, а не на вымыслахъ. Всѣ факты не проверенные достаточно строгой критикой и вслѣдствіе этого не приобрѣтшіе характера полной, убѣдительно-доказанной истинны — только умаляютъ достоинство исторической науки, придавая ей выводамъ извѣстную неустойчивость, подрывая къ ней довѣріе, лишая ее самаго существеннаго и необходимаго ей свойства — вполне серьезнаго, научнаго интереса.

Дѣлать выводы, основываясь на данныхъ фактахъ — доступно всякому обладающему способностью логическаго мышленія субъекту, но разобраться въ самихъ приводимыхъ фактахъ, проверить ихъ правдоподобность, отличить ложь отъ дѣйствительности — есть дѣло достаточно трудное и доступное лишь лицу занимающемуся даннымъ предметомъ спеціально. На этихъ-то спеціалистахъ и должна лежать главная нравственная отвѣт-

ственность за предлагаемую ими оцѣнку того или другого историческаго свѣдѣнія, за признаніе его достовѣрности или недостовѣрности. Чѣмъ болѣе является сомнѣнія въ существованіи самаго факта, тѣмъ менѣе, конечно, довѣрія оказывается и всѣмъ проистекающимъ изъ него выводамъ и заключеніямъ, а отсюда, очевидно, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является охлажденіе и къ самому вопросу, и къ наукѣ его разрабатывающей, и къ ея представителямъ.

Такое именно охлажденіе, къ сожалѣнію, замѣчается въ настоящее время въ большинствѣ нашего интеллигентнаго общества и по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу о происхожденіи Руси. Охлажденіе это выражается не только въ томъ, что вопросъ этотъ еще далеко точно не выясненный, считается большинствомъ публики какъ-бы рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ, но и въ томъ, что подъчасъ высказывается даже мнѣніе, будто-бы и самая суть вопроса не заслуживаетъ по своей сравнительной маловажности тѣхъ усилій и того усердія, которыя на выясненіе ея употребляли. Не сводятся-ли—раздаются голоса—попытки разрѣшенія этого вопроса только къ исканію удовлетворенія празднаго любопытства? Не все-ли равно кто были таинственные Руссы передавшіе свое прозвище всему нашему народу и объединившіе его отдѣльныя племена въ одно цѣлое? Кто-бы они не были: Нѣмцы или Славяне, или представители иной какой либо народности—объединеніе это произошло не менѣе какъ за 1000 лѣтъ до насъ и, конечно, нынѣ всякіе слѣды ихъ вліянія, постепенно затѣмняясь ходомъ ряда событий послѣдующихъ, давно уже успѣли совершенно изгладиться и пропасть безъ остатка въ проявленіяхъ нашей народной жизни, а потому и вопросъ о націо-

нальности ихъ является совершенно празднымъ и для современности не интереснымъ.

Объ ошибочности такого взгляда врядъ-ли стоитъ распространяться. Добросовѣстное изученіе исторіи своего народа, его прошлаго, всегда было и будетъ важнѣйшимъ признакомъ политическаго самосознанія общества и является поѣтому обязательнымъ для каждаго достаточно развитаго гражданина родной страны. Только черезъ посредство такого изученія и можно дойти до болѣе или менѣе яснаго представленія себѣ народныхъ силъ, способностей, качествъ и недостатковъ, уразумѣть всю сущность стремленій народа на поприщѣ его политической и общественной жизни, опредѣлить степень его устойчивости въ выполненіи этихъ стремленій и, наконецъ, дать себѣ отчетъ, созерцая его настоящее и опираясь на ясно изученное прошедшее—въ томъ, чего можно ожидать отъ даннаго народа въ будущемъ. Завѣса грядущаго разверзается тѣмъ шире, чѣмъ болѣе разсѣивается туманъ прошлаго. Какъ ни маловаженъ можетъ казаться съ перваго взгляда какою либо фактъ изъ прошлой жизни народа, какъ ни значительно число лѣтъ отдѣляющее его отъ современности—онъ всетаки, являясь наравнѣ съ другими фактами однимъ изъ звѣньевъ въ цѣпи историческихъ событій, несомнѣнно долженъ былъ оказать, хотя-бы самое микроскопическое вліяніе на общій ходъ народной жизни, а потому и наличность его неминуемо отбѣнить намъ ту или другую сторону картины послѣдовательнаго развитія народной культуры. Если таковой взглядъ правиленъ по отношенію къ самымъ мелкимъ фактамъ, то ясно, что освѣщеніе, приведеніе въ извѣстность событій несравненно крупнѣйшихъ—является уже дѣломъ важности первостепенной, а именно къ такого рода событіямъ и при-

надлежитъ разсматриваемый нами вопросъ о происхожденіи Руси. Правильное его разрѣшеніе, проливая свѣтъ на прошлое народа, должно неминуемо освѣтить намъ ту или другую характеристичную особенность нашихъ предковъ, для насъ далеко не безразличную, такъ какъ мы сами безсознательно носимъ въ себѣ ту же черту національнаго характера, съ которой надо считаться и по сіе время.

Напрасно пытаются также нѣкоторые сторонники ученія о Нѣмецкомъ происхожденіи Руси объяснить живой интересъ возбуждаемый даннымъ вопросомъ — мотивомъ узкаго національнаго самолюбія: не пріятно-де намъ Русскимъ признаться въ томъ, что устроителями нашей земли, первыми цивилизаторами народа, главными виновниками его объединенія и могущества—являются представители народности чуждой, племени Германскаго, а потому-де наши ученые—патріоты и не хотятъ ни за что согласиться съ истинной ясно доказанной. Такой взглядъ на вопросъ только затемняетъ дѣло. Суть разногласія не въ патріотизмѣ, а именно въ желаніи отыскать истинну, доказанную по сіе время далеко не ясно. Мы знаемъ изъ послѣдующей нашей исторіи подтвержденной уже доказательствами вполнѣ неоспоримыми, что Русскій народъ былъ и подъ игомъ Татаръ, а въ лицѣ отдѣльныхъ племенъ и подъ властью единоплеменныхъ Поляковъ, и Литвы, и даже тѣхъ-же Нѣмцевъ. Мы знаемъ также, что всѣмъ этимъ невгодамъ народъ нашъ подчинялся недобровольно, никогда со своимъ вынужденнымъ положеніемъ вполнѣ не мирился, не только никогда не принималъ на себя чуждаго имени или прозвища, но напротивъ всегда твердо отстаивалъ свое собственное, свою самобытность и самостоятельность. Совершенно иное видимъ мы въ пред-

лагаемыхъ нами упомянутыми послѣдователями Нѣмецкой школы разъясненіяхъ о происхожденіи Руси. Тутъ народъ, по одному варианту самъ добровольно приглашаетъ къ себѣ иноземныхъ и иноплеменныхъ владѣтелей,—по другому—подчиняется ихъ игу легко, принимаетъ на себя ихъ имя и сродняется съ нимъ вполне въ очень короткое время. Уже одно это обстоятельство совершенно противорѣчитъ всѣмъ фактамъ позднѣйшей исторіи того-же народа и невольно заставляетъ усомниться въ правдоподобности проповѣдуемыхъ намъ положеній,—а разъ существуетъ сомнѣніе—стремленіе отыскать истинну должно оставаться въ полной своей силѣ. Вотъ главный мотивъ долженствующій служить побудительной причиной, для появленія всякихъ новыхъ попытокъ на поприщѣ выясненія даннаго вопроса—онъ легъ въ основаніе и настоящаго изслѣдованія.

Вопросъ о происхожденіи Руси по существу своему—вопросъ сложный и распадается на слѣдующіе четыре отдѣльныхъ вопроса:

1) *Откуда появилось самое названіе „Русь“ и что оно означало?*

2) *Что послужило первоначальной причиной объединенія отдѣльныхъ племенъ въ одинъ народъ „Русскій“?*

3) *Изъ какого племеннаго состава образовался народъ Русскій?*

4) *При какихъ обстоятельствахъ и когда возникло Русское государство какъ самостоятельное политическое цѣлое?*

Изъ этихъ четырехъ отдѣльныхъ вопросовъ пытаемся отвѣтить на первые три, что и должно служить задачей настоящаго труда—введенія къ исторіи

Русскаго народа. Разрѣшеніе вопроса четвертаго—есть уже начало самой исторіи, а потому вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, не долженъ быть смѣшиваемъ съ тремя предъидущими и по самостоятельной своей важности заслуживаетъ быть предметомъ отдѣльнаго историческаго изслѣдованія.

Прежде чѣмъ перейдемъ, однако, къ разрѣшенію данныхъ вопросовъ, рассмотримъ вкратцѣ тѣ выводы, въ которыхъ пришли по выясненію главнаго, общаго вопроса „о происхожденіи Руси“ ученые представители нашей исторической литературы.

Близкое знакомство съ этими выводами является для насъ существенно необходимымъ, такъ какъ во 1-хъ: они рисуютъ намъ картину современнаго положенія вопроса въ нашей наукѣ, и во 2-хъ: только путемъ сопоставленія этихъ выводовъ со своими собственными и можно дойти до какого-бы то ни было логически понятнаго и правдоподобнаго разрѣшенія вопроса.

II.

Вопросъ о происхожденіи Руси интересовалъ нашихъ историковъ современъ самыхъ древнихъ. Первый русскій лѣтописецъ—авторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ еще въ XI-мъ столѣтіи поставилъ его въ основаніе своего труда и пришелъ къ извѣстному его разрѣшенію. Выводы этого древнѣйшаго русскаго историка, хотя и были восприняты большинствомъ его ближайшихъ послѣдователей и подражателей, но однако не исключительно. Рядомъ съ полнымъ довѣріемъ къ автору въ обществѣ, какъ замѣтно, гнѣздилося съ самыхъ древнихъ временъ и нѣкоторое направленіе скептическое. Уже въ источникахъ XV-го вѣка и начала XVI-го направленіе это выражается достаточно реально. Появляются попытки выяснить вопросъ самостоятельно, отыскать его разрѣшеніе, слѣдѹя путями иными, отличными отъ путей проложенныхъ первымъ лѣтописцемъ. Попытки эти сводятся главнымъ образомъ къ пріисканію инаго объясненія происхожденія народнаго имени. Очевидно теорія автора въ этомъ своемъ положеніи оказалась наиболѣе не удовлетворяющей сознанію тогдашняго мыслящаго класса. Фактъ этотъ самъ по себѣ весьма знаменателенъ и, какъ мы увидимъ ниже, невольно наводитъ на нѣкоторыя серьезныя размышленія.

Къ тому же времени приблизительно должны быть отнесены и первыя попытки пошатнуть довѣріе къ извѣстію лѣтописца о первоначальномъ образованіи государства. Попытки эти, вначалѣ весьма слабыя, съ теченіемъ времени значительно крѣпнуть и уже въ концѣ XVI-го и въ XVII-омъ столѣтіяхъ, какъ результатъ ихъ, появляются цѣлыя фантастическія повѣсти разрѣшающія вопросъ о происхожденіи Руси совершенно инымъ путемъ, начинающія исторію со временъ гораздо болѣе стародавнихъ, чѣмъ времена описываемыя лѣтописцемъ въ началѣ его „Повѣсти“, производяція народное имя отъ имени мифическаго народнаго вождя, княжескій родъ предковъ Московскихъ царей—отъ Римскаго Императора Августа и т. п. Всѣ эти попытки, какъ видно, однако, колебали авторитетъ древнѣйшаго памятника весьма мало. Большинство книжниковъ всетаки признавало его извѣстія за непреложную истинну, имъ руководствовалось при своихъ историческихъ трудахъ, его ученіе приводило въ сознаніе народныхъ массъ грамотныхъ и не грамотныхъ. Таковое положеніе дѣла при полномъ отсутствіи науки исторической критики, было вполне понятно и естественно. „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ являлась все таки памятникомъ древнѣйшимъ и произведеніемъ челоуѣка по времени выдающагося. Она передавала древнѣйшія историческія извѣстія и истолковывала ихъ, повидимому, ясно, понятно и правдоподобно. Авторъ ея кромѣ того принадлежалъ къ сословію въ древности составлявшему въ Россіи главное и почти исключительное ядро образованности, и при томъ образованности, такъ сказать, официальной, поддерживаемой и самой государственной властью. Почти всѣ его послѣдователи и продолжатели являлись лицами того-же сословія и, конечно, поддержаніе его авто-

ритета должно было служить предметомъ ихъ заботъ, — стимуломъ, въ которому они не могли относиться вполне безразлично. Дополнять, исправлять, истолковывать первоначальныя извѣстія автора они хотя иногда и рѣшались, но только въ мелочахъ, въ деталяхъ, въ несущественныхъ, по ихъ мнѣнію, подробностяхъ; главныя же, основныя положенія его теоріи всегда сохранялись ими въ полной неприкосновенности и въ такомъ видѣ дошли и до временъ позднѣйшихъ. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ бороться съ теоріей древняго летописца противупоставленіемъ лишь однихъ фантастическихъ и ничѣмъ не доказываемыхъ измышленій — свептикамъ было не подъ силу, а потому и вся борьба ихъ, не смотря на ихъ добрыя патріотическія намѣренія, являлась почти бесплодной.

Такъ продолжалось до начала XVIII-го столѣтія, когда въ Россіи стараніями Великаго Петра явились первыя насажденія наукъ европейскихъ а въ числѣ ихъ и науки исторической критики. Ученые Русской Академіи Наукъ основанной Петромъ первые примѣнили эту науку къ русскимъ историческимъ источникамъ, подвергли ихъ строго научной провѣркѣ и обработкѣ и сопоставили ихъ съ историческими источниками другихъ народовъ. Результаты ихъ работъ, хотя могутъ казаться намъ теперь и не вполне удовлетворительными, но тѣмъ не менѣе по времени были весьма важны и драгоценны, такъ какъ работы велись на почвѣ строго научной, по методу, которымъ мы пользуемся и по настоящее время.

Вопросъ о происхожденіи Руси при критической разработкѣ источниковъ явился конечно первымъ и самымъ главнымъ и разрѣшенъ былъ въ основныхъ своихъ положеніяхъ, повидимому, ясно и окончательно.

Древній отечественный источникъ его выясняющій—первыя страницы лѣтописи—признанъ былъ за документъ несомнѣнно достовѣрный, носящій въ себѣ элементы непреложной истинны и такимъ образомъ заслужилъ на этотъ разъ санкцію и научную.

Несмотря однако на такое общепринятое въ главныхъ своихъ основаніяхъ мнѣніе, тотъ-же самый вопросъ въ подробностяхъ сразу породилъ между учеными существенное разногласіе. Споръ возгорѣлся прежде всего на вопросѣ: что были лѣтописные варяги т. е. какого племени или происхожденія? Будучи согласны въ томъ, что призваніе первыхъ князей и перенесеніе племеннаго прозвища этихъ припелъцевъ на весь нашъ народъ—суть извѣстія вполне достовѣрныя, ученые, по вопросу о національности этихъ припелъцевъ, раздѣлились на два главныхъ лагеря: одни признавали ихъ за представителей племени Германскаго—Скандинавовъ, древнихъ Норманновъ, другіе—за представителей племени Славянскаго и преимущественно—за Славянъ Прибалтійскихъ. Первая, такъ называемая Н о р м а н н с к а я, школа сразу пріобрѣла значеніе первенствующее. Основателемъ ея явился академикъ Байеръ, первый въ Россіи выпустившій въ свѣтъ въ 1735-мъ году ученое критико-историческое изслѣдованіе „De varagis“, въ которомъ доказывалъ, что Варяги лѣтописи не могутъ быть ни кѣмъ инымъ, какъ Норманнами западныхъ хроникеровъ и по времени, и по мѣстожителству, и по характеру дѣятельности, а такъ какъ эти Норманны, какъ извѣстно, были Скандинавы, племени Германскаго, то, слѣдовательно, и наши первые князья были Германцы.

Ближайшимъ послѣдователямъ Байера удалось настолько хорошо оформить эту теорію, придать ей ка-